

сящу... У богатога человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, ис полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошель, да и вам даю... Ну, еште на здоровье, питайтесь, не мрите з голоду. Я опять побреду збирать по окошкам, еше мне надают» (548). Аввакум признает только смиренное писательство. Литературное умствование, напротив, есть грех и пагуба, «понеже ритор и философ не может быти христианин» (547).

Обратимся теперь к другим антагонистическим парам — в рамках правящей церковной верхушки. Антиподами можно считать Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого, затем — их учеников и наследников (в прямом и переносном смысле) Сильвестра Медведева и чудовского инока Евфимия. По всем внешним признакам эти люди кажутся ипостасями одного писательского типа, членами одной литературной общины. Они получили хорошее образование (Симеон и Сильвестр — с латинским уклоном, а Епифаний и Евфимий — с греческим), были близки ко двору, получали гонорары (хотя и нерегулярно), собирали библиотеки, заводили школы и преподавали в них, стремились получить доступ к печатному станку.¹¹ Сходство этих интеллигентов кануна преобразований простиралось далеко: все они, например, выше всего ценили «духовную тишину», которая позволяла профессионально заниматься литературой.

Так, Симеон Полоцкий довольствовался иеромонашеским званием, т. е. был всего-навсего черным попом, хотя и при Алексее Михайловиче, и особенно при Федоре мог добиться архиерейства. И Епифаний Славинецкий не искал священноначалия, удержав от такого искательства любимца своего Евфимия. «Дважды бо, — вспоминал о последнем иеродиакон Дамаскин, — благочестивейший царь Алексей Михайлович и святейший патриарх Никон, яко честна монаха, архиерейский сан понуждаху прияти. Но он, Евфимий, сам умоли тех благочестивая величества, да оставят его в простомонашеском сословии пребывати, и тогда был справщиком на Печатном дворе».¹² Чтобы оценить должным образом искания «духовной тишины», полезно несколько забежать вперед и воспользоваться эпистолярным наследием Стефана Яворского — такого же «латынщика», как и Симеон Полоцкий.¹³

¹¹ См.: А. М. Панченко. О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв. — ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 267—271.

¹² Цит. по статье: С. Любимов. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великой России в конце XVII и начале XVIII веков. — ЖМНП, 1875, № 8, отд. II, стр. 140.

¹³ В «Камне веры» Стефан Яворский доказывал идею оправдания делами посредством порфирианского древа силлогизмов.